

**Военные
Приключения**

**400
КНИГ**

ПРИКАЗАНО МОЛЧАТЬ

ГЕННАДИЙ АНАНЬЕВ

Военные приключения

Геннадий Ананьев

Приказано молчать

«ВЕЧЕ»

2019

Ананьев Г. А.

Приказано молчать / Г. А. Ананьев — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4484-8006-5

Проходят десятилетия, меняется страна, но государственная граница по-прежнему остается тем местом, где могут нести службу только люди бесстрашные, беззаветно преданные своему народу и Отечеству. Именно такими людьми предстают герои произведений, вошедших в эту книгу, вне зависимости от того, где им приходится нести нелегкую дозорную службу. Геннадий Ананьев – лауреат литературной премии «Во славу Отечества» и многих других – стал солдатом в 1946 году и с тех пор связал свою судьбу с охраной рубежей нашей Родины, с героическими буднями пограничных застав. Многие произведения автора давно и заслуженно вошли в золотой фонд отечественной военно-приключенческой литературы. Новая книга признанного мастера остросюжетной литературы является юбилейной, четырехсотой, в серии «Военные приключения».

ISBN 978-5-4484-8006-5

© Ананьев Г. А., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Приказано молчать	6
1	6
2	13
3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Геннадий Ананьев

Приказано молчать

© Ананьев Г.А., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Приказано молчать

1

Они боролись долго. Очень долго. И совсем не оттого, что были равными по силе. Наоборот, Константин Гончаров мог одним пальцем швырнуть своего соперника Северина Паничкина на пыльную, пожухлую от безводья и безжалостной жары траву, но не делал этого, давая Северину потешиться. Когда же надоело возиться со старательно сопевшим мешком, обхватил взмокшую холеность обручно и положил, словно дитя, на спину.

– Вот и ладно будет, – улыбаясь подытожил борьбу Константин и непроизвольно поежился от ненавистной вспышки в глазах Северина. Словно ожегся о пылающие угли.

«Ишь ты. Не любо, стало быть», – всего-то и подумал Константин. Улыбку, однако, погасил.

Пустяшная мысль. Верхоглядная. Прикинуть бы, что за вдруг вспыхнувшей злобностью скрывается, ладней было бы. Только не умел Константин Гончаров относиться к людям с подозрительностью. Рос в честной семье, с честными людьми работал, у кого испокон веку врагов не бывало. Вот и был чист душой, неопаслив, словно голубь непуганый. А поразмысли Константин, отчего так злобно зыркнул Северин (и враз подавил себя, улыбнулся даже, скрыть, стало быть, хотел ненависть свою), да насторожись, другим путем пошла бы его жизнь. Совсем другим...

Только не намотал себе на ус Константин ничего, не упрятал доверчивости своей в себе, так и продолжал дружить с Северином. Открыто. Честно. Да и как не дружить, если койки их рядом, а в столовой за одним столом сидят, хлебушек пополам делят?

Свела их судьба на краешке Каракумов в пограничном учебном дивизионе всего неделю назад. Оба они – рядовые бойцы-кавалеристы пока еще не в зеленых фуражках, а в васнецовских былинных шлемах, окрещенных в Гражданскую войну буденовками, у каждого по карабину, по шашке в отполированных о красноармейские галифе и конские бока до костяной светлости ножнах, из которых не особенно-то разрешают им пока вытаскивать сами клинки, чтоб беды какой ненароком не натворили. Оружие, оно и есть оружие. В руках неумехи не грозное оно, а самому себе опасное. И еще был у них конь. Один на двоих. Караковый ахалтекинец. Не чистых, правда, кровей, но все одно – красавец: тонконог, шея лебедем, упруг в шаге, а под всадником нетерпелив. Кличка Буйный вполне к нему подходила.

Любой бывалый кавалерист пожал бы плечами, увидев их вдвоем у одного коня. Разные уж слишком они, эти молодые пограничники. Константин – приземистый, вроде бы и в плечах не кося сажень, а силы недюжинной. Хлебнул лиха в многолетней семье без отца-кормильца, всякого хлебопашеского труда полной мерой отмерила ему жизнь, а несколько лет перед призывом молотобоил в колхозной кузне, оттого и руки железно-хваткие. Северин же, наоборот, – высок и дороден, но что тебе вожжа сыромятная, размокшая под дождем. Никак, выходило, для одного коня не подходящие они, но коль скоро командир взвода так определил, рассуждать не должно. Это на вечеринке, семечки лузгая, правоту свою доказывать сподручно, а здесь – армия. Пограничные войска здесь, железная, стало быть, здесь дисциплина. Слово командира – закон. Ему, командиру, видней, у него, должно быть, свой по этому вопросу резон имеется: потянет, мол, деревенский городского на постромах.

Так оно и выходить стало. Не то, чтобы взводный, отделенный даже не подходил к ним, когда седлали коней, либо обихаживали их – все знал, все умел Константин Гончаров, всему обучал своего напарника, полного неумеху. Терпелив был Константин, хотя и удивлялся, как можно не знать пустяшные вещи. Но ни разу не подумал, что человек может быть артистом:

знать и уметь, но ловко скрывать знания и умение. Для чего? Возможно, чтобы привязать к себе сослуживца, не зря же говорят: не та мать, которая родила ребенка, а та, которая выкормила и воспитала. А Северину Паничкину очень нужно было иметь возможно больше товарищей, а уж куда верней товарищ, если он станет считать себя учителем твоим.

Туповато «обретал навык» Паничкин, понукая тем самым Константина учить, но день за днем все же поддавался его настойчивости, чем постепенно вызывал у Гончарова чувство удовлетворенности и даже гордости. А тут еще отделенный похвалил раз да другой, взводный на политчасе отметил, вот и вовсе доволен молодой боец: учит еще старательней своего напарника.

Вот наконец первая езда в манеже. Стоит строй, ожидая команды, для многих волнительной. Даже у Константина не совсем обычное состояние, праздничность на душе. Хотя что ему конь? Он и в седле, и без седла столько на лошадях прорысил, да проскакал по пыльной сельской улице, по проселкам, по полям, а смотри ты – не спокоен. Торжественность момента сказывается: не лошадь держит он за уздечку, а коня боевого за повод у трензелей. Может, на этом вот коне ему придется в атаку на басмачей пластать. Хоть и поубавилось их, басмачей безжалостных, как взводный сказывал, но нет-нет да и вылезают гюрзой смертоносной из-за кордона.

– Сади-и-и-ись!

Мячиком упругим взлетел в седло Гончаров, и в тот самый момент, когда подался он чуть-чуть вперед, чтобы, как отделенный учил, похлопать дружелюбно коня по шее, Буйный вскинулся на свечку. Вот так, сразу, конь экзаменовал нового своего хозяина. Только не сробел Гончаров, не растерялся: жестко передернул повод, вдавил шпоры в бока, а сам спокойно, даже ласково предупредил.

– Побалуй мне еще...

Потанцевал пружинно Буйный на месте, мотнул головой, вырывая повод, и тут же угомонился: почувствовал сильного и волевого всадника, принял его и подчинился ему. И к самому нужному моменту, ибо потянулись справа по одному молодые кавалеристы за отделенным, а кто со своим конем не успел поладить, нервничал и краснел под звонкий хохот вторых номеров, вольно стоявших у входа в манеж.

Многие из сменщиков к коням даже не подходили всю жизнь, у них еще смешней все будет получаться, юзом все пойдет на первых порах, но это через полчаса произойдет, не раньше, а теперь воля раз есть, почему не позубоскалить? Нет, не уйти никуда от природы человеческой: медом не корми, только дай над другим потешиться.

Заняли с горем пополам аники-воины свои расчетные места, и выровнялось движение, зашагали кони по привычному им кругу, и так все ладно бы и шло, все спокойно, если бы не крикнул отделенный зычно:

– Брось стремя! Манежной рысью ма-а-рш!

Тут уж раздолье пришло его командирскому голосу: то спину велит бойцу не горбить, то локти не раскрывать, то шенкеля к боку лошадиному плотней прижимать. Только прижимай не прижимай – толку чуть, если седло словно маслом смазано, и катает по нему то вкось, то вкривь. Самый раз в гриву бы вцепиться, но попробуй только протянуть к гриве руку, тут же придира-отделенный устыдит – зорок несносно, не в меру зорок. Случись подобное вне армии, проучили бы его за безжалостность.

Только Константину Гончарову, да еще трем-четырем деревенским парням беззаботно, не по их честь все окрики, для них без стремени даже привычной. Когда мальчишки в ночное на оседланных лошадях выезжали? Или на пруд помыть уставшую на пахоте или жатве лошадь?

Совсем нетрудно проходило для Гончарова время, но добрая половина новобранцев выдохлась уже. И хотя покрикивал строго отделенный, все же многие цеплялись за конские гривы и молотили седла задами любо-дорого. Как только спины конские выдерживали?

– Шагом, – сжалившись в конце концов, командовал отделенный. – Разобрать поводья. Спину держать! Локти! Локти – не крылья!

А вторые номера давно уже не зубоскалят. Не улыбаются даже. Стоят оробело, загодя боясь предстоящего мучения. Мягкотелых неумех среди них было еще больше, чем в первой смене.

– Стой. Слезай. Передать коней.

Все начало повторяться. – и рваный строй, и зубоскальство первых номеров, теперь, на твердой земле, почувствовавших себя королями и моментально забывших свою неуклюжесть. Но случилось вдруг то, над чем в кавалерии никогда не смеются: Буйный, ровно шагавший на своем месте по кругу, ни с того ни с сего скакнул, выгнув спину, скакнул еще раз, еще, и Паничкин шлепнулся на землю. Про поводья, понятное дело, вовсе забыл, словно не твердили ему о них множество раз, а Буйному только того и надо – гордо вскинул голову, порысил вольно из манежа, не принимая во внимание толпившихся у выхода новобранцев. Разбегутся, считал, как, видимо, случалось прежде не единожды.

– Лови коня! – зло рявкнул отделенный Паничкину, а сам так и остался стоять в центре манежа, хотя вполне мог, без особых усилий, поймать за повод Буйного.

– Лови коня! Живо!

Сердитые те окрики и, главное, бездействие командира осудило все отделение. Даже вслух. В личное время. В курилке. И не вдруг поняли молодые конники мотивы поступка отделенного. Не день спустя, не месяц даже. А подумать бы сразу, куда убежит конь? На конюшню. Не дальше. Только и ущерба, что повод порвать может, если копытом зацепит. Важно другое: всадник должен сам быть полновластным хозяином коня, себе его подчинить, а не дядиными руками удерживать его в повиновении. Выбил конь тебя из седла, сам лови его, сам вновь садись. Не осилишь, не быть тебе кавалеристом. Никогда. А окрик строгий? Он тоже очень нужен. Он взметнет волей-неволей, а если не взметнет, худо дело, стало быть. На помощь, значит, спеши командир.

Вот чего ради и рявкал отделенный. Не по злобе, а для добра.

Вскочил Паничкин, отряхивается от пыли и песка, но спохватился и побежал за Буйным, крича ему: «Стой! Стой, поганец! Ну, стой же», – только конь и ухом не ведет, гордо рысит к воротам. Вольный он сейчас и за вольность свою готов постоять и копытами, и зубами. Кто осмелится догнать его сейчас?!

И верно, попятились от ворот новобранцы, расширяя коридор для коня, и только один из них, Константин Гончаров, встал столбом в самом центре ворот и впился немигающим взглядом в конскую морду, словно хотел загипнотизировать строптивца, а может, понять его намерение, чтобы опередить.

Конь и человек – поединок силы и разума. Прибавил рыси Буйный, Константин же стоит вкопанно, ноги только пошире расставил и спружинил их, согнув чуток в коленях. Сейчас налетит конь на человека мощностью своей, смелой наглостью, словно и в самом деле понимал он свое в данный момент превосходство. Вот он уже вскинулся на свечку, взметнув ноги. Еще миг – и полетит сбитый копытами человек на песок. Замерли все бездыханно, но через миг вздохнули облегченно, единой грудью, загомонили радостно, пока еще не совсем понимая свершившееся чудо.

А чуда никакого не было, просто отпрянул в сторону Константин, подпрыгнул, ухватив Буйного за повод, огрел другой рукой по морде со всей силы, отчего Буйный даже взвизгнул, и уже сидит в седле, мягко уперев в конские бока шпоры и крепко удерживая повод.

– Побалуй мне!

Не таких вольнолюбцев усмирять он на кузнице, не нутреца конюшенного, а едва познавших седло жеребцов косячных неволил стоять смирно, прижигая копыта их горячей подковой. Въехал в строй на положенное Буйному место и позвал Паничкина:

– Иди садись. – Передавая повод, посоветовал: – Ногами плотней обхватись. Вот так. Удила на губе чувствуй поводом. Если взбрыкивать начнет, шпорь, сам за холку хватайся.

Противоуставный для кавалериста совет, кавалерия – не деревня, но смолчал командир отделения, покоренный смелостью, ловкостью и силой Гончарова. Простил ему и самовольство, хотя по всем уставам командовать в отделении положено только ему одному. Но что делать, если все так получилось: не по-уставному, но очень уж ладно?

Вечером дивизион жужжал. И не столько при обсуждении случившегося смаковали настырность и силу Гончарова, сколько перемывали косточки отделенному: бездушен, что бы стоило ему за повод схватить беглеца, так нет, пусть боец под копыта бросается. И только когда подходили к табунку какому командир, младший ли или краском, умолкали новобранцы. Робели. Ибо одно успели им внушить твердо, что авторитет командира непререкаем, а действия его и приказы не обсуждаются.

Только как помалкивать, если совсем не по-людски все? Вот и выпускали пар в негромких, но пылких словесах.

А главные виновники дивизионной беспокойности, уединившись (надоели сочувствия и похвалы) курили, помалкивая. Одну козью ножку за другой. И Константина, да и Северина тоже, подмывало пооткровенничать, рассказать о себе самое-самое, потолковать о смысле жизни, в своем понимании, конечно, но ни тот ни другой не решались начать исповедь. Гончаров оттого, что прежде пытался рассказать о своей семье Северину, но того, видно было, это совершенно не заинтересовало. И о себе Северин ничего не рассказывал. Вот и опасался Константин, что откровения его вновь натолкнутся на невнимательность и даже безразличие, а слова его окажутся в глухой пустоте. У Северина же – иное на уме и в сердце: ему совсем не хотелось в этот тихий уютный вечер фальшивить, но говорить правду он просто не мог, вот и помалкивал. И все же в конце концов он рассказал в тот вечер то, что позволительно ему было не таить. Константин подтолкнул его к этому.

– Гляжу на тебя, – после очередной затяжки начал Гончаров, – будто не обижен природой, а гляди ж ты, мешок, как отец мой покойный, говаривал, с половой. Тесто дрожжевое, а не мужик. Иль дров колоть даже не приходилось? И косы небось не держал?

– Нет, конечно. Один я у родителей. Отец – ответственный торговый работник, мать – домохозяйка. В постель мне завтрак подавался. Мать репетиторов мне подыскала, только отец воспротивился. А кто, говорит, страну охранять станет, если все в институты пойдут? Институт, говорит, никуда не сбежит, успеется туда и после армии. Мать – в слезы, только отец твердо на своем настоял. Сам и в военкомат пошел. Вот по его просьбе направили меня в пограничные войска. Потому, как объяснил отец, выбор он сделал, что служба на границе – не блины у тещи в гостях.

– Толковый у тебя батяня. Верный.

Знать бы Константину Гончарову правду, не эти слова вырвались бы у него. А правда была в том, что не по своей воле хлопотал Паничкин-старший за сына, чтобы попал он именно в пограничные войска. А уж если совсем честно говорить, делал он это вопреки своему убеждению и с большим нежеланием, с великой тревогой за будущее своего сына.

Отец Северина, царский чиновник высокого ранга, сразу же после революции встал в ряды ее врагов. И тому, как думалось Паничкину-старшему, имелись веские причины. Местная власть уважала его не столько за ум и чиновничью хватку, сколько за то, что знал он все среднеазиатские языки и подчеркнуто чтит все местные обычаи, освященные Кораном и шариатом. Ему даже предлагали принять мусульманство, обещая устроить по такому случаю байрам с байгой и копкаром. Он не согласился, но и не отказался, чтобы не потерять уважение. Ну а если власть чтит, рядовые чиновники, само собой понятно, заискивают. Вот это-то и не хотелось терять отцу Северина, вот и поддерживал тот все контрреволюционное, пока не понял к чему это приведет.

Переметнулся тогда на сторону большевиков, а вскоре и в гору пошел. Добрую службу вновь сослужило знание местных языков и местных обычаев. Жилось ему не хуже, чем до революции, и в планы его не входило вредить строю, где он нашел себе теплое местечко, но к нему пришли. Посланцы тех, кто не понял, что плетью обуха не перешибешь, кто бежал за границу, надеясь на чудо, и не просто ждал чуда, но еще по силе возможности старался его приблизить.

Ему сказали:

– Отправь сына в кокаскеры.

– Это – нереально. Он готовится в институт, а студентов в армию не берут.

– Кара Аллаха не имеет предела. Смерть – не самая страшная из них...

Так и оказался Северин Паничкин в пограничном учебном дивизионе, а отец его, отправив сына в военкомат вместо института, обрел еще больший авторитет лояльного к советской власти служащего.

Вот с кем сидел Гончаров, вот о ком думал, чтобы стал тот толковым кавалеристом, чтобы бойцом стал.

– Знаешь, с чего начнем? С гирьки. Двухпудовку выжимать. Через неделю не узнаешь себя.

– И еще бороться давай.

– Дело мыслишь.

Сразу и началась их первая схватка, после которой одарил Паничкин Константина ненавистным зырком.

На беду себе не насторожился Константин Гончаров, на великую беду. С большой настойчивостью заставлял до изнеможения «кидать» гирю и обязательно, иной раз даже дважды в день, боролся с Северином, чувствуя с удовлетворением, как наливаются его изнеженное тело силой, а борьба становится долгой не только оттого, что Константин играл в поддавки. Серьезными уже становились схватки.

А вот Буйный нисколько не менялся по отношению к нелюбимому всаднику: чуть зазева-ется Паничкин, тут же вопьется зубами в плечо. А то за ногу схватит. Это когда в седле Паничкин. Стоит только немного ослабнуть поводу, миг резкий поворот головы и – удар зубами в голень. Гончаров, с разрешения взводного, сам занимался с Северином в манеже в личное время, вместе они «воспитывали» Буйного кнутом, как говорится, и пряником, но все их усилия – как об стенку горохом. Недели не проходило без происшествия: либо куснет Буйный Северина, либо сбросит.

И вспомнить бы Константину по-житейски мудрые наставления учителя своего, кузнеца сельского, прозванного с молодых еще лет Остроумом. Поусох он, могучий прежде, у горна, выгорели от жара угольного пшеничные кудри до полной белизны, задубели пальцы и руки, заморщинилось лицо, а вот взор его еще светлей стал, еще пронизательней и умней. Оценки происходящего тоже стали примечательней. Привел как-то трудяга мужик, едва от раскулачивания спасшийся, лошадку свою подковать, да так она послушна и доверчива, даже завидки берет. А когда увел тот, щедро расплатившись, дед кузнец и говорит:

– Заметил, как люб хозяин коню? Душой, значит, чист. От честного лошадь и кнут без обиды примет. Лошадь, она лучше дитяти малого человека насквозь видит. К двоедушцу ни за что не прильнет, хоть овсом отборным корми, хоть хлеба ситного не жалей.

Нет, не вспомнил о том Константин. Сколько хлеба скормили они с Северином Буйному, сколько пряников и сахару перетаскали, сколько бичом потчевали, чтобы подчинить строптвого коня, и, вполне возможно, переупрямили бы его, подмяли бы в конце концов, пусть не привязался бы он к нелюбимому всаднику, но терпеть бы терпел, только времени для этого не оказалось. На одном из очередных занятий, уже рубили они лозу, метнулся Буйный в сторону пред первой лозой, и Северин, пролетев по инерции несколько метров, распластался на песке.

Обошлось бы, может, и на сей раз только испугом, но боднул бедолага стойку с лозой по пути головой, а эфес шашки ребра ему посчитал. Подбежали к потерявшему сознание Паничкину командиры, ощупывают и бога благодарят, что не вонзился клинок в грудь. А мог бы вполне. Теперь же все не смертельно: ребра срастутся, шишка на лбу опадет, полежит боец какое-то время в лазарете и вернется в строй. Догонять, конечно, трудно будет своих сверстников, но ничего не поделаешь, для хозяйственного подразделения вполне будет подготовлен.

Только не так все получилось. Недели не пролежал в лазарете Паничкин, как пришла за ним санитарная машина и забрала в госпиталь. В Ашхабад увезли его.

Вот так судьба развела напарников. Увы, не надолго...

Гончаров учился ловко рубить лозу, метко стрелять, распознавать следы, видеть все, самому оставаясь невидимым. Он учился целые сутки не спать и обходиться одной фляжкой воды, хотя жара такая, что все живое либо зарывается в песок, либо укрывается в тени – он познавал ратный труд, который нисколько не легче хлебопашеского, только во сто крат опасней, ибо теперь его задача не просто вырастить посеянное зерно, а выдюжить в единоборстве с нарушителями границы, которые далеко не тюфяки и не лыком шиты. Ну а если бой случится, что тоже не исключено, его задача уцелеть, одолев врага, а это не головки подсолнухам обрубить да на телегу укладывать.

Хоть и не очень-то по сердцу пахарю ратное дело, но старался боец Константин Гончаров захомутать, как он говорил, свою новую профессию, и когда подоспела пора подводить итоги учебного курса, командиры единогласно решили, что добрый из него получится пограничник и что вполне подходящая он кандидатура в младшие командиры.

С радостью воспринял это решение Гончаров, хотя и добавлялся ему в связи с эти целый год службы, но не было тогда моды у красноармейцев считать компоты, вырезать на столбах пограничных вышек, сколько осталось дней до дембеля. Готовы они были служить и три, и четыре года, лишь бы оградить страну свою от вороньих стай, которые еще исчислялись сотнями и даже тысячами.

Все для Горчакова началось снова. Только по более высокому счету. Тот же чай, только в прикуску и в накладку. До семи потов. Зато, когда оканчивал Гончаров школу младших командиров, рубил шашкой так же ловко левой рукой, как и правой, стрелял навскидку и с седла, и перекинувшись с него под живот коню, следы читал не как читают первоклассники букварь, а как восьмиклассник, в песках же вел себя так, будто родился в них и вырос.

Место ему определили горячее – застава Мазарная. На оперативном она направлении, на Ашхабадском. Предупредили: приобретенное в школе умение очень там пригодится.

Ну что же, Мазарная, значит – Мазарная. Не гадал, какая она, да как на ней служиться станет, не новобранец, кому объясняли, что едет он в неведомые края, в неведомый город. Не защемило сердце пред неизвестностью. Получил положенное имущество с вооружением и – в путь. Вместе со своими друзьями-товарищами, кому тоже выпали заставы Ашхабадского направления.

Одно он сделал неположенное: добрую половину сахара из сухого пайка, выданного на дорогу, скормил Буйному на прощание. Только можно ли за это осуждать? С другом он расставался. Навсегда.

Не три месяца, как везли их, новобранцев в теплушках на учебный пункт, а всего-ничего в пути, и вот уже – Ашхабад. Но и тут их не стали задерживать, с первой же оказией разослали по своим заставам.

С Паничкиным Гончаров не встретился, хотя тот служил в Ашхабаде. При штабе. Писарем. Хлопотами отца, а не по случаю хорошего почерка, грамотности и аккуратности. Пока еще сын срачивал ребра и приводил в порядок мозги после сотрясения, отец раздумывал, как поступить, чтобы и овцы остались целы, и волки сыты, и надумал: в штабе оставить. Информация из первых рук, а что еще нужно там, за кордоном?

Удачным оказался выбор. Возблагодарили Аллаха недобитые курбаши, а местом встречи с Северином определили отцовский дом. Отец, таким образом, оставался пристегнутым, оставаясь в то же время в неведении, какие задания получает сын и что тот передает связному. О чем сын соблаговолит рассказать отцу, тем он оставался доволен. И не переставал отец благодарить Всевышнего, ибо считал, что три года пролетят быстро, уедет после этого Северин в институт, в Москву или Ленинград, забудет все и станет жить честно, как все порядочные люди, а там, бог даст, с его, отцовской помощью, пробьется в номенклатурный клан.

Не ведал Паничкин-старший, какая судьба уготована сыну – Северина уже предупредили, чтобы через два-три месяца перевелся бы он на заставу. Лучше всего на Мазарную. Если же не удастся на нее, то на любую, какие стоят пред Ашхабадом. Для чего это нужно, Северину пока не объяснили.

2

Нет, не сразу Гончарову вручили отделение. Вначале старшина заставы Губанов определил ему кровать и тумбочку с пирамидкой, куда велел, проверив предварительно чистоту и смазку, поставить карабин и шашку, потом начальник заставы Садыков повел его на конюшню, подвел к станку, где стоял на коротком чембуре буланый конь. Долго, очень долго, как показалось Гончарову, начальник заставы смотрел на коня, потом только перевел взгляд карих, совершенно непрозрачных глаз на новичка.

– Вот этот – твой. Булан. Верный конь. Когда хозяин увольнялся, плакали оба.

Не чета Булан Буйному, но, кажется, тоже не сонная тетеря. Не высок, но грудь мощная. Шею хорошо держит, а лопатки – под острым углом. Крупная рысь, значит, и галоп прыткий. Не станет воду в ступе толочь. Оценив взглядом своего нового боевого друга, Константин не попросил коня: «Прими», – а сам не вошел в станок. Не мог он вот так, с пустыми руками, сделать первый шаг к знакомству. Выручил лейтенант Садыков. Отвел маузер чуточку назад и вынул из кармана ржаную горбушку.

– Держи. Подсоленная.

Больше им ничего не нужно было говорить, они, кавалеристы, поняли друг друга. Лейтенанту Садыкову понравилось то, что не поспешил Гончаров в станок, основательный, значит, человек, не пархун. Гончарова же покорила заботливость начальника. И урок хороший получил он на будущее, ибо из таких вот поступков начинается авторитет командира, а он, Гончаров, хотя и младший, но все же – командир.

– До боевого расчета – по своему усмотрению. Ясно?

– Так точно.

Целых четыре часа. Вполне можно снаряжение проверить, починить, если есть нужда, и почистить трензеля, пряжки и стремяна, чтобы серебром блестили. И еще одно можно успеть – коня опробовать.

Так и прошли отпущенные ему часы в хлопотах и заботе, времени до боевого расчета в обрез осталось, чтобы побриться, подшить свежий подворотничок, почистить пуговицы и сапоги. Но что бы ни делал Константин, ни на минуту не покидала его мысль о завтрашнем дне, о том, в какой наряд пошлют его в первый раз, с кем пошлют, и сможет ли он без огрехов отслужить свою первую в жизни (стажировка не в счет) настоящую пограничную службу? Прокручивались в его озабоченной голове все месяцы учебы, вспоминались и занятия, и просто советы командиров, каждый из которых, хотя и молодые все, побывал и в боях, не единожды участвовал и в поисках.

Сможет, выходило по его, Гончарова, разумению, добротнo он подготовлен. Но хотя уверенность эта бодрила, однако заботливость не снижалась оттого, что еще одно волновало – как начнет он свое командирство, ни разу в жизни еще никем не командовавший? К работе он был приучен, умел все делать и отлынивать от работы считал осудительным, а вот распоряжаться и учить – новое для него занятие. Согласиться-то он в школу согласился, не подумав вовсе о своей неготовности командовать, а когда жареный петух прицелился уже к мягкому месту, чтобы клюнуть, слабость почувствовал в коленях. И ждал боевого расчета Гончаров, предполагая, что на нем вручит ему лейтенант Садыков отделение, и хотел, чтобы подольше этот самый момент не начинался. Когда же дежурный по заставе объявил построение, разволновался вконец. Даже осерчал на себя. Только без малейшей пользы: мельтешит душа, хоть ты тресни.

Несуетно и быстро строилась застава. Святое это время для пограничников. Ни минутой раньше, ни минутой позже. В девятнадцать ноль-ноль. Все, что было до этого момента, все осталось во вчерашнем дне, а что будет – будет в новых сутках. Давно такое повелось. От казаков еще, а они это вековым опытом выработали.

Привычен для пограничников этот ритуал, обыден вроде бы, но в то же время и торжествен. Подтянуты все, сосредоточены. Сейчас выйдет из канцелярии начальник, с клинком, как всегда, и маузером, все пригнано, будто родилось и выросло с ним, ни морщинки на гимнастерке, ни пылинки на сапогах, и старшина заставы командует:

– Смирно! Равнение на середину!

Печатает шаг старшина, как на параде. Застава замерла, ожидает вроде бы не совсем уместное (целый день прошел): «Здравствуйте, товарищи пограничники», – но тоже привычное и никого не удивляющее, чтобы дружно, как слаженный оркестр, поздороваться ответно.

На этот раз все так же началось. Как обычно. Но дальнейший ход боевого расчета нарушился: начальник заставы не перенес представление прибывшего не заставу младшего командира на конец расчета, а начал с этого. Вопреки, однако, логике, не назвал отделение, каким ему предстояло командовать, а распорядился:

– Становитесь в строй.

Никого, кроме самого Гончарова, не удивило это решение. Ни разу еще начальник заставы не определял вдруг расчетного места новичку, не приглядевшись к нему сам, не дав времени предварительно оценить новичка и прослужившим на заставе не один год. И если что не так, пошлет рапорт по команде со своим выводом. Застава знала это, но Гончаров-то, естественно, не мог этого знать, вот и недоумевал, отчего не назначен он отделенным. Вполуха слушал он данные по обстановке, замечания пограничникам за ошибки на службе и похвалу отличившимся, это его пока еще не касалось, он еще ничего о заставе не знал, а то, что его по неведомой причине отвели в сторонку, это он знал, и это для него сейчас было самым главным.

Не запланировал лейтенант Садыков Гончарова и на службу. Никуда не назначил, и это совершенно расстроило Константина. Хоть возьми и задай вопрос. Прямо сейчас, в строю. Только неловко это. Сдержался. Решил: лучше всего обождать, пока все встанет на свои места.

И оно, это место, вроде бы обозначилось сразу же после боевого расчета. Как только строю велено было разойтись, начальник заставы позвал Константина:

– Товарищ Гончаров, ко мне. – И, козырнув ответно, приказал: – В шесть ноль-ноль выезд на границу. Вдвоем. Ясно?

Конечно. Куда как ясней. Обязанности коновода, стало быть, на нем, Гончарове. Только почему «товарищ Гончаров», а не «отделенный Гончаров? Ну да ладно. Утро вечера мудренее...

Разбудил дежурный по заставе Гончарова на полчаса раньше положенного. Сам тот попросил. И своего коня нужно подседлать, а они едва-едва обнюхались, резерв времени потому не лишний, и коня начальника заставы обиходить. Без коновода он определил выезд, вся, значит, подготовка на нем, Гончарове, вот и нужно все сделать аккуратно, без спешки, чтобы не ударить в грязь лицом.

Успел вполне, и за несколько минут до урочного времени стоял уже, ожидая, с подседланными конями.

Без малейшего опоздания, с пунктуальной точностью (это, как потом понял Гончаров, было для лейтенанта Садыкова вполне естественно) вышел из дома начальник заставы. Легок на ногу, аккуратен. Не на нем форма, а по нему она, точнее если, единое они целое.

Залюбовался Константин краскомом, и не сразу обратил внимание на его коня, который потянул шею навстречу хозяину и заржал едва слышно, и было похоже, что он радостно засмеялся. Потом ткнулся мордой в плечо Садыкову и замер блаженно.

Позавидовал Гончаров. Очень позавидовал. С Буйным, как ему казалось, сдружились они, но не до такой нежной доверчивости.

«Подход имеет...»

Лейтенант Садыков тем временем достал из кармана два ломтика подсоленного и подсушенного в духовке хлеба, отдал один Гончарову.

– Держи.

Кони, умные, благодарные кони, без жадности, аккуратно сняли с ладоней губами вкусное угощение и аппетитно, словно причмокивая от удовольствия, захрустели полусухариками.

– Карабин заряжен? – спросил Садыков.

– Так точно.

– Тогда – в путь. – И добавил вовсе не по-уставному: – Стремя в стремя поедом. Буду знакомить тебя с участком.

Разобрал поводья, а конь уже запереступал нетерпеливо всеми четырьмя, готовый сорваться и понестись птицей над зелено-бурыми холмами, но с места не стронулся. Танцевал на одном месте и – все. Сколько ему силы воли для этого нужно? И человеческого понимания своих поступков.

Едва коснувшись ногой стремени, Садыков пружинно сел в седло, да так ловко, что ни пашки, ни маузера поправлять ему совершенно не потребовалось – все на своих местах, как на плакате, каких множество висело на учебном пункте, и, особенно, в школе младших командиров. И конь ни с места. Перетанцовывает ногами, что тебе увлеченный танцор, весь уже в музыке, но не вышел еще на круг. Да, к таком Гончарову еще стремиться и стремиться. Коня тоже так воспитать, самому же легче легкого в седло садиться. Впрочем, у него впереди еще много времени. Сдюжит. А зависть попеременно с восхищением все же есть, куда от нее, от злодейки, денешься?

Вышагали на тропу за заставой, и пустил коня Садыков рысью, пока тропа шла почти по ровному плато, а перед спуском в долину вновь перевел на шаг. С Гончаровым пока ни слова. Понимал, в каком тот теперь состоянии, не до разговоров ему, пусть в себя приходит.

И верно, Константин был буквально обескуражен. Нет, не ролью коновода вместо отдельного, с этим он уже смирился, определив себе: пусть все идет, как идет, он вертел головой, пытаясь понять, отчего все не так, как ему представлялось, не то, чего он ждал. Ему сказали, что Мазарная – застава горная, а горы он себе представлял горами. Скалы, высокие, крутые, снег на вершинах, как на «Казбеке», которые курили приезжавшие в школу младшего состава районные начальники и председатель колхоза на праздники. Ни пустыни у него на Сумщине не было, ни гор. Пустыню он теперь знал, своим потом измерил силу ее, а вот горы? На заставу его привезли в крытом ЗИСе, а она сама – в низинке. Видно только три холма, нависших над постройками, да и не до изучения природы было ему в те первые часы, коня и сбрую его обихаживал, себя к боевому расчету готовил. Вот только теперь вся окрестность перед глазами. И полное недоумение: нет, не могут быть горы такими сухогрудыми и густотравными. Хотя трава костисто-колючая и не зеленая, а словно пеплом обсыпанная, но все же – трава. И дальше, куда глаз достает, тоже бескалье. Холмы один на другой напозают, но не крутые они, даже верблюжьих горбов положе. Удивительно. Что же это за горы?

Тропа забралась на самый пупок холма, и вид, открывшийся Гончарову, еще более удивил его: холмистые хребты, чем дальше на юг, тем выше и круче, стояли словно многошеренговым плотным строем, и ничто не могло поколебать их почти строгую параллельность.

«Плечом к плечу. Как бойцы!»

Над ближайшим холмом парил орел, словно нежился в пока еще ласковых солнечных лучах.

– Поглядишь, словно аксакал дремлющий, – кивнул на орла Садыков. – Только джигитов у него глаз. Все видит.

– Иначе нельзя, – отозвался Гончаров. – Не мед ему тут, не станет в оба глядеть, с голоду окочурится.

– Верно, – согласился лейтенант, пытливо глянув на Гончарова. – Не пловом из тушканчиков угощает Копетдаг орлов, чаще кобрами и гюрзой. Только как у нас говорят: еду полегче ищет тот, у кого зубы слабые.

«Ишь как повернул. Не жалеючи, выходит, а с уважением».

Садыков же продолжил. Нет, не нравоучения ради, а из-за потребности восточного человека из малого факта выводить житейскую мудрость:

– Не говори, что болит голова, тому, у кого она здорова...

– Так-то оно так, – поперечил Гончаров, – только будь мышей поболее, как у нас на Сумщине, куда бы вольготней орлам.

– Мышь – пища совы, – с брезгливостью прервал Гончарова лейтенант Садыков. – Не орла!

И тронул коня.

Тропа побежала вниз, и с каждым десятком метров трава становилась гуще и крепче. Особенно бодрились ковыль и полынь, островки которых начинали кое-где подступать друг к другу с угрозой, а местами даже сошлись в рукопашную. В самой же долине, куда спустилась тропа, в кустах полыни начал выситься пырей. Вольготней стало здесь траве, вода, значит, доступней и жизнь веселей. Погуще запятнилась и арча.

«Ишь ты, овцам тут и козам – раздолье. Коня и того пасти можно».

Когда спустились вниз, Садыков заговорил. Почти так же, как на боевом расчете, только, понятное дело, потише:

– Долина эта ведет к Ашхабаду. А он – центр предгорных оазисов. Сколько люди живут в Туркмении, столько, думаю, и Ашхабад стоит. Как караван-сарай на шелковом пути, как крепость, как политический центр. Когда туркмены под русскую руку встали, сразу же здесь поставлено было основательное укрепление. Для басмачей эта долина медом мазана. Соседнюю заставу, как молва гласит, басмачи вырезали. Только это – ложь. Погибла она вся, то верно, но и басмачей положила уйму.

– Пограничники приняли смерть в бою, как и полагается джигитам богатырям. – Лейтенант Садыков помолчал минуту-другую, отдавая молчанием дань памяти погибшим несколько лет назад бойцам, затем продолжил так же официально: – И сегодня исключать басмаческий налет мы не можем. Орлиный глаз нам нужен, не совиный. А сердце арстана. Льва!

– На политчаше сказывали, – усомнился Гончаров, – конец, мол, басмачеству. Ибрагим-беку и тому, политрук сказывал, конец пришел. Раскаяние, утверждал, нашло на него. Понял, что зря народную кровушку лил. Выходит, стало быть, шпионы, диверсанты разные могут шастать, а большие банды не должны бы.

– Аксакалы наши так молодым советуют: если ты считаешь себя львом, врага почитай тигром. А еще говорят: вершины не бывают без дымки, голова джигита – без думки. Афганистан остался Афганистаном, а Иран – Ираном. Разве они не помогут недобитым курбашам? Англия тоже не перестанет давать им оружие и деньги.

Слушал Гончаров начальника заставы и недоумевал: говорит о бдительности, о важности охраны границы, а ни ему, младшему наряду, задачи по наблюдению за местностью не поставил, что в наряде, как ему внушали и на учебном, и особенно в школе младших командиров, должно соблюдаться свято, ни сам не наблюдает. Совершенно беспечен лейтенант Садыков, будто на прогулке, коня вроде бы промять выехал, а не на границе он. Чудно Гончарову, но что ему делать, если командир поучает лишь словом, а не личным примером? Верно, выпитывать нравоучения, разинув рот. Не станешь же вертеть головой, оглядывая местность, если начальник с тобой разговаривает. В паузах только и есть возможность окинуть взором шеренги верблюжьих горбов.

И все же заметил Гончаров что-то необычное на вершине недалекого горба. Пригляделся внимательней и определил: человек лежит и наблюдает за ними, едущими вольно, без всякой предосторожности, по открытой долине.

– Товарищ лейтенант, справа на сопке...

– Увидел наконец, – с нескрываемым упреком отозвался Садыков. – Раньше нужно бы, пока не выпятился пупком.

Вот так. Не на прогулке, выходит. Проверяет. Слушать, значит, слушай, но в оба гляди. «Ишь ты, как дело поставил. Ладно не лыком и мы шиты».

Теперь он и слушал, и смотрел. Как учили смотрел. И под копыта лошадей, чтоб тропу видеть, и на сопки, насколько глаз хватал. Но нет никого. И то верно, не станет же начальник заставы по всему маршруту сюрпризы устраивать. Личного состава не хватит.

Стоп однако... Вот они, еле заметные следы. Кони кованы Пара. На тропу выезжали. А дальше?

– Товарищ лейтенант, следы. Два строевых коня.

– Так уж и строевые...

– Гнезда для шипов только на кавалерийских подковах.

Остановил коня Садыков, внимательно поглядел на Гончарова и покачал головой.

– Подковы наши не в сейфах хранятся. Запомни: разумный познает смолоду, глупый – когда беда падет на голову. – Сделал паузу, пусть осмыслит необстрелянный пограничник услышанное, и продолжил: – Увидел своими глазами, кто наследил, вот тогда верь.

– Ясно.

Но нравоучительному выводу вопреки лейтенант Садыков не направил своего коня по следу, а тронулся дальше тропой.

Что же, и это тоже ясно. Специально след проложен. А дальше что ожидает? Во всяком случае, ухо остро нужно держать.

Гончаров слушал Садыкова, который подробно пояснял, куда какой распадок ведет, откуда вероятней всего можно ждать нарушителей, стараясь все запомнить, но не переставал внимательно оглядывать и сопки, и раскинувшуюся по обе стороны тропы ровность.

Проехали еще километра два, лейтенант Садыков свернул в узкогорлый крутобокий отвилок, где даже проглядывались голые камни, как в настоящих горах. Скалистые откосы, словно стенки, заборились справа и слева, камни же, будто боясь своей смелости, прятались под полынными надбровьями, а то и под молодыми арчами, которых здесь росло довольно много. Отвилок, загибаясь наганной рукояткой и немного расширяясь, выходил на большую поляну, в дальнем конце которой росла осанистая арча, а под ней змеился ручеек, прозрачный, как вымытое хозяйкой-чистюлей стекло. На ветках арчи разноцветились матерчатые полоски, выцветшие, осыпавшиеся от ветхости, и новые, вызывающе сверкавшие на солнце свежей яркостью – видимо, сюда частенько приходят паломники-мусульмане. А как же граница? Она совсем рядом.

– Мазар это. Священным почитается и родник, и арча. Мусульмане говорят так: Мухаммед и его четыре друга, Абу Бакр, Омар, Осман и Али, остановились здесь, обессилив совсем, томимые жарой и жаждой. Передохнуть остановились. Аллах сжалился над ними, сказал: «Будь!» – и арча укрыла путников от палящего солнца, а родник утолил жажду. Века прошли с того времени, а родник и арча, возникшие здесь неожиданно по воле Аллаха, неизменны, потому от паломников отбоя нет. Граница же, вот она – рядом. Перевалил через сопку и – на сопредельной стороне. Пока, правда, здесь нарушений не было. Муллы слово дали за правоверных. На Коране поклялись. Но тут другое дело: арча хорошо просматривается с сопредельной стороны, любой сигнал подать отсюда можно. И вообще, что здесь завтра может произойти, кто поручится, вот и не оставляем мазар без надзора. – Садыков протянул руку влево: – Вон там, приглядишься, ход есть. По нему незаметно можно подняться наверх и скрытно вести наблюдение за сопредельной территорией. Сразу у входа пещерка небольшая, карманом мы ее зовем. Тебе тоже придется часто здесь службу нести...

Не за горами оказалось то время. Вскоре Гончаров, получив после неоднократных испытаний на профессиональную пригодность отделение, стал ходить старшим наряда. Дозорил,

дежурил по заставе, но чаще всего лежал в секрете у мазара. В едва заметном отвилке от мазарного тупика узкогорлый грот тоже прятался под нависшим камнем. В нем даже днем стоял жуткий сумрак, будто и впрямь упрятан ты по какой-то недоброй воле в карман злого духа и ждешь, когда и чем завершится твоя судьба или для какой цели тебе придется из него выбираться. Ночью же здесь было так бездвижно и темно, что у самых крепких бойцов все равно возникало сравнение с адом крошечным.

Да, жутко было в этом кармане, но мимо него поднималась вверх тропинка, по которой вполне, при желании, можно незаметно проскользнуть за кордон. Важное место для перехвата нарушителя. Тем более, что, если задержат пограничники, а такое уже бывало, на подходе к отвилку мазарного тупика, либо в самом отвилке в иное, чем определено договором с муллами время, ответ всегда один: шел на молитву, но не рассчитал немного, вот и припозднился. Вот и сидели в «кармане» ночами напролет бездвижно и бесшумно, перемогая жуткость, а посылал туда Садыков только тех, кому больше всего доверял. Сильных духом, по его оценке, посылал.

Поступали пограничники обычно так: выезжали на мазарную поляну перед наступлением темноты, слезали с коней (к арче и роднику не приближались, чтобы не осквернять святое для верующих место), осматривали, чаще в бинокль, сопки, затем уезжали, но в расщелке, где он не просматривался с сопредельной стороны, двое спрыгивали с коней, а один, взяв поводья этих коней, без остановки ехал дальше. Из развилка выезжал он уже в темноте, когда не разглядишь, есть ли всадники на конях. А по топоту копыт можно определить, если у кого есть такое желание, что все пограничники уехали. Спешившийся же наряд тем временем бесшумно проскальзывал в грот.

Недели пролетали, проходили месяцы, а тишь да благодать царили на участке заставы. Всего лишь один нарушитель с терьяком¹ задержан. Обтерпелся в «кармане» Гончаров, ночные бдения для него стали обыденными, даже мыслишка предательская нет-нет да и шевельнется: Зачем-де здесь секретить? И аргументики услужливые тут как тут, быстро бросаются в поддержку крамольности: на ночь паломники здесь ни разу не оставались. Даже на вечернюю молитву не задерживались, а если такое случалось, быстро отмолившись, покидали поляну и отвилки. Опасались правоверные осуждения муллы, который поклялся на Коране, что ни один мусульманин из его прихода не нарушит границу у мазара. И еще их сдерживало то, что случись здесь нарушение, кокаскеры не станут пускать к мазару никого. И получалось по этой раскладке, что сидение в «кармане» – перестраховка. Но мыслям тем непристойным, какими их считал Гончаров, он не давал спуска, и всякий раз, получив приказ нести службу секрета у мазара, делал все аккуратно, чтобы даже комар носа не подточил.

К тому приучен был, тому научен. Да и времени для философских, как он ерничал по поводу своих сомнений, размышлений, не оставалось: служба, учеба, командирские всякие заботы так наваливались, что продохнуть некогда, хотя, если всмотреться в повседневность заставскую, оценить ее, со стороны глядя, понятным станет то, что с виду хлопотная и богатая ежедневными вводными жизнь очень однообразна и тем особенно утомительна, ибо затягивает эта однообразность в рутину успокоенности и благодушия, и большую силу воли нужно иметь, чтобы устоять, не превратиться в сонного обывателя с карабином на плече.

Когда нарушители идут – тогда другое дело, тогда глаза острее становятся, уши, естественно, – на макушке. А если месяц да другой никого, тогда как? Умом осилить можно, что любое затишье сменяется, как правило, бурей, только и ум настроению поддается.

Садыков, так тот вовсе про сон и про отдых забыл, все время сам на границе, чтобы наряды под своим карим, пронизывающим оком держать да еще и к своим друзьям, бывшим пограничникам и добровольным помощникам из местного населения, джигитам застав, наведываться чаще, понять с их помощью, что же происходит на участке, откуда ждать бури.

---

¹ Терьяк – наркотическое вещество; опий-сырец.

Только никто толком не мог ничего прояснить. Пожимали плечами и аксакалы, задумчиво глядя бороды седые. И то верно: свеча не освещает свой низ.

И вдруг прорвалось – один за другим идут. С терьяком, с шелком, даже с коврами, навьюченными на ишаков. И началась эта круговерть на первую неделю прибытия на заставу Паничкина. Правда, никому и в голову не пришло хоть как-то связать эти два события. Пограничники рассудили так: активность не случайна, ждать еще каких-то неожиданностей вполне можно. И все. Никак не соотнесли активность контрабандистов с новым их товарищем по службе. Даже у опытного во всех отношениях начальника заставы и то подобная мысль не возникала. Он просто еще больше времени стал проводить в седле, а на боевых расчетах, не переставая, строго повторял:

– Замысел врага ясен: пускать и пускать ходоков, надеясь, что хоть кому-то удастся просочиться и предать важное сообщение скрытым врагам советской власти. В такой обстановке от нас требуется трехкратная бдительность.

К Паничкину лейтенант Садыков относился уважительно: из вышестоящего штаба как-никак, да и на заставу служить сам попросился. Добровольно поменял кабинетное удобство на хлопотную и опасную службу. Когда же лейтенант Садыков увидел, что встретились Гончаров с Паничкиным бурно радуясь, будто и впрямь друзья закадычные, поручил Гончарову персонально опекать новичка, посылал их вместе в наряды, чтобы изучил Паничкин участок и втянулся в заставскую жизнь. Гончарову нагрузка эта дополнительная, но что поделаешь, раз надо, значит, – надо. Потому и старался.

Более Гончарова, однако же, старался сам Паничкин, будто старался в короткое время обогнать своего учителя по всем статьям, а на борьбу звал в любое свободное время. Даже после утомительного дозора, частенько не перекуривая, не блаженствуя на скамейке в курилке, предвкушая скорый сон, оголялись по пояс и становились в боевые позы. Один совсем невысокий, юркий, весь в мускулистых жгутах, другой дородный, но уже без прежней податливой сыроватости, хотя еще не атлетически жесткий – другим уже был Паничкин, во многом другим. Правда, коль скоро природа не наделила его ни силой, ни ловкостью, завидным бойцом он не станет, но постоять за себя, коли приспичит, сможет. Не играючи, короче говоря, боролся с Паничкиным Гончаров, хотя был куда сильнее своего друга-противника. На явную пользу шли сеансы борьбы хлюпику-интеллигенту.

Вскоре Садыков начал выделять Паничкина, а уже через пару месяцев стал назначать дежурным по заставе – привилегия самых опытных пограничников. Младших командиров, в первую очередь, привилегия. Только в «карман» не посылал. Не верил, видимо, в силу духа баловня обеспеченной городской семьи. Часто стало так получаться: Гончаров – в секрет, Паничкин – дежурным. Когда же дежурил Гончаров, Паничкин дозором «мерил» какой-либо из флангов. На границу вместе они стали попадать редко, поэтому реже им удавалось побороться, но Паничкин продолжал тренировать себя пудовой гирей в спортивном городке систематически.

Исчезли вдруг контрабандисты. Так же сразу, как и появились. Одну ночь никого нет, другую, третью. Вздохнули без частых тревог пограничники на заставе, повеселели, отсыпая положенное полностью, а то и прихватывая часок-другой излишка, про запас, ибо, как заключили твердо бойцы-кавалеристы: ото сна никто еще не умирал, тем более, спит или не спит солдат, служба его идет. Только начальнику заставы сон не в сон, отдых не в отдых – понимал лейтенант Садыков: грядет неведомое, потому особенно тревожное. Знать бы кто и что задумал, тогда сразу бы успокоение пришло. Увы, все пока за семью печатями.

А тут еще одна загадка: на арче вывешен зеленый лоскут, будто специально напоказ. На всех веточках обычные узенькие полоски, оторванные от цветастых халатов, а тут – широкий лоскут, вроде бы знамя исламское, только в миниатюре. Такой лоскут от полы халата не

оторвешь, да и нет одноцветных халатов у местных жителей. От чалмы если только, но тот, кому чалма дозволена цвета исламского знамени, сюда паломничать не пойдет. Побывавший в Мекке и в Медине не снизойдет до заштатного мазара.

Заметил этот странный сигнал Гончаров, когда въехал его наряд, как обычно, на мазарную поляну, потом он всю ночь ждал, не пойдет ли кто по тропе из-за кордона, но ночь прошла спокойно. Когда за нарядом поданы были кони, поспешил Гончаров с докладом на заставу.

Дежурил Паничкин. Ему, как и положено по инструкции, первому Гончаров и доложил о лоскуте. Еще не дослушал Паничкин доклада, а с лица сменился.

– Зеленый, говоришь, лоскут?!

– Да.

– Ясно. Разоблачайся, завтракай с нарядом своим и – спать. Карабин я твой почищу. Начальнику заставы доложу, как появится. Отдыхает он. Только что с границы.

– Спасибо за услугу, только оружие я сам приведу в порядок, – отказался от услуги Паничкина Гончаров, а сам подумал: «С чего бы это он раздобылся?»

И все. И только. Никаких других вопросов.

Обиходив оружие и позавтракав, спокойно ушел спать. Лишь после боевого расчета пережил обиду и за Паничкина, и за себя, что плохим оказался учителем. А вышло это потому, что про зеленый лоскут начальник заставы на боевом расчете не сказал ни слова, когда доводил обстановку. Вот и подошел Гончаров к лейтенанту Садыкову после того, как старшина распустил строй. Напрямую спросил:

– Вы считаете, зеленый лоскут не может быть сигналом?

– Какой? Где?

– Ну, тот, что на арче который.

Садыков, оказывается, ничего не знал и, чтобы разобраться, позвал Гончарова в канцелярию. Выслушав его доклад, вызвал Паничкина. Спросил недовольно:

– Как понимать?! Значит, когда ревет осел, соловей молчит?! Отделенный Гончаров, значит, осел, а красноармеец Паничкин – соловей?!

– Да что тут такого? Сколько их, лоскутов разных, на ветках. Эка невидаль. Мазар он и есть – мазар. Про каждую тряпку докладывать вам, товарищ лейтенант, голову только забивать...

– Истину говорят люди: на веревке муку не высушишь. – Лейтенант Садыков вздохнул и приказал Гончарову: – Отделенных и старших наряда – ко мне.

Резко говорил Садыков. Очень резко. Таким Гончаров его не видел. То, что Паничкин не придавал значения докладу старшего наряда, здесь вина, как расценил Садыков, всех, кто его учил и воспитывал, но более всего Гончарова вина, как наставника, и необходимые выводы из этого нужно делать. А вот то, что Паничкин сам решил не докладывать начальнику заставы – это уже граничит с преступлением по службе. За такие вещи – под трибунал.

Перегибал, конечно, начальник заставы, но делал это сознательно, вполне возможно считая, что джигиту срамота – хуже смерти. Он-то, Садыков, как и все остальные, считал Паничкина обычным красноармейцем, не очень опытным в вопросах службы, но старательным. Наказание, в общем, не последовало. А утром дежурный по заставе принял печальную телеграмму из штаба округа, в которой сообщалось о смертельном недуге матери Паничкина и предписывалось немедленно отправить Паничкина в город.

Когда у человека горе, ему многое прощается.

Сутки прошли после отъезда Паничкина – на арче появился новый зеленый лоскут, так же хорошо видный со всех сторон, такой же большой, как и первый. Теперь два «исламских знамени» висели на арче. Спокойно висели в безветрии мазарной поляны-тупика, а заставу они будоражили сильно. Лейтенант Садыков даже занятия сократил, взяв грех на душу ради

увеличения сроков службы. Только тихо на границе. Контрабандистов и тех нет. Паломники тоже пореже пошли. Все больше свои, из ближайших кишлаков. Чужих совсем немного. Впору отбой трубы и признавайся, что перебдили, приняв зеленые лоскуты за таинственные сигналы. Только не спешит Садыков лапки поднимать. Совсем не спешит.

3

Пятидневка прошла. Дважды Гончаров секретил в «кармане» и ничего нового и подозрительного не замечал. Висят себе лоскутки-знамена чуть подвыгоревшие, и висят. Тихо-тихо окрест. Невольно червячок вгрызается в душу, бередит: не зря ли шум подняли? Паничкин прав, зря, может, взбучку получил...

Сегодня Гончарову вновь предстоит ночь в «кармане». Пораньше лейтенант Садыков отправил наряд. За два часа до боевого расчета, а не за час, как посылал прежде. Объяснил:

– Всегда будет теперь так: час открыто нести службу на мазарной поляне. К арче и роднику близко не подходить. Час пройдет, действуйте дальше по обычному плану. Ясно?

– Так точно.

Когда наряд Гончарова подъехал по тропе к спуску в долину, увидели пограничники, что по машинной дороге из Ашхабада пылит ГАЗ-АА, редкий еще по тем временам грузовик.

– Откуда? – спросил у Гончарова один из красноармейцев. – Не нашенький он.

– Не за границу же собирается, – ответил Гончаров, – а на заставу. Потерпи до завтра. Не ворочаться же, чтоб твое любопытство ублажить.

Хоть и успокоил он подчиненного, но, если быть честным, незнакомый грузовик и его заинтересовал. Даже предположения различные Гончаров строил: чего ради машина на заставу припылила. Людей в кузове вроде бы не видно, груза тоже...

Груз в кузове был. Невеликий, правда. Несколько ящиков помидоров. Отборных. Крупных и спелых. Вез их на заставу, как гостинец от матери, Паничкин. Восседал он в кабине рядом с шофером, молчаливо-сосредоточенный, напряженный. Даже с шофером не в состоянии был расслабленно разговаривать, хотя тот пытался расположить пассажира к себе (сын большого начальника как-никак), но наткнулся на явную отчужденность.

«Сосунок еще, – возмущался шофер, – а туда же. Дерет нос!»

О каком носе речь, если Паничкин от страха перед предстоящим делом едва владел собой. Ему впору было выпрыгнуть из кабины и бежать в горы, только туда от судьбы не убежишь. Если не выполнит он порученное, ни ему, ни отцу с матерью несдобровать. Вот он, вопреки страху, и обмозговывал свое поведение с первого шага на заставе, чтобы все шло по задуманному, и никто бы его, Паничкина, не заподозрил в недобром.

Напрасными, однако же, оказались опасения Паничкина – все прошло без сучка, без задоринки. Лейтенант Садыков обрадовался возвращению Паничкина (хоть один человек, но дырку можно заткнуть), спросил без обиняков:

– Службу можешь нести? Поправилась мать?

– Мать почти здорова. Службу нести готов.

– Хорошо. Дежурным заступишь.

Об этом Паничкин мог только мечтать. Теперь все будет в его руках! Повезло, не иначе... Дело теперь лишь за старшиной. Унесет «гостинцы» в склад до утра и – считай, все пропало.

Нет, не унес. Вернее, не все ящики приказал унести. Три ящика велел поставить в летней столовой, чтобы от пуза, как он сказал полакомились. Отобрал и для начальника заставы с десяток самых яснобоких помидорин. Остальное – под замок. Растянуть чтобы на завтра и на послезавтра. Как рачительная хозяйка.

Дальше все шло установленным порядком. Многие не утерпели и оскорбились гостинцем Паничкина еще до боевого расчета, а уж после боевого, само собой, – ужин. И лейтенант Садыков ушел домой, как обычно, на пару часов. Перед хлопотной ночью. До высылки первого наряда ушел, и застава, как обычно, после ужина раздвоилась: кому вышел наряд во вторую половину ночи, укладывались спать, проверив оружие, а кому идти вскорости, сели кто за домино, кто за шахматы или шашки, запиликала гармонь, призывая песню в кружок. Только

сегодня не собрались возле нее почему-то, костяшками тоже постукали самую малость и, один за другим, прося дежурного разбудить за час до выхода на службу, не раздеваясь, только снимая ремни и сапоги, валились на кровати. Через четверть часа застава захрапела. Вся. Даже часовой уснул на посту. Он тоже перед заступлением на службу угостился помидорами...

А в это самое время наряд Гончарова вышел на мазарную поляну, и две вещи сразу бросились в глаза: большой красный лоскут на арче и черная баранья папаха, высунувшаяся из-за пограничного копча на вершине хребта. Гончаров даже присвистнул от неожиданности, ибо привык уже к обычному здесь безлюдью, но виду не показал, что увидел необычное, оглядел, как делалось это и прежде, окрестность, прикрыв ладонью глаза от закатных лучей солнца и обернулся к младшим наряда:

– Тихо, если кто заметил наблюдателя. Не видим мы ничего необычного. Ясно? – скопировал он привычный вопрос начальника заставы. – Маячить не станем здесь. Так, считаю, будет лучше.

Вновь прошелся взглядом по крутобоким сопкам, не задерживаясь на копце, но успел заметить, что у копча уже никого нет.

«Ошибка? Не может быть...»

– Мое решение: действуем по обычной схеме. Но в сторону границы не пялиться. Я сам. Ясно?

Разжевывать и класть в рот пограничникам ничего не нужно. Спешились, сбатовали² коней и, открыв переметки, достали погранпайки. Консервные банки вскрывали неспешно, а потом, вальяжно развалились на жесткой траве, словно на коврах персидских. Только Гончаров так устроился, что мог видеть копец боковым зрением, не поворачивая в ту сторону головы. Он решил ждать. Выманить решил наблюдателя, если он там, если не случилось ошибки.

Не вдруг замысел Гончарова удался. Пограничники, поужинав, принялись обсуждать, что дальше делать, чтобы не выказаться, будто они хитрят. Все больше и больше брали верх сомнения, что возможна ошибка. Вслух об этом уже сказано. Гончаров тогда принимает решение уводить наряд с поляны. Повелел:

– Садимся на коней. Спешить только не станем. Подпруги внимательней проверяйте. Жгутами протирать ноги коней основательней. А уж тогда – в седло. Ясно? Тогда – за дело.

И вот когда пограничники начали собираться к отъезду, черная каракулевая папаха вновь высунулась краешком из-за копча. На самую малость высунулась, но Гончарову и этого хватило, чтобы засечь наблюдателя. Теперь ему было ясно, как следует поступить, и очень хотелось все сделать побыстрее, но он не стал поторапливать пограничников: пусть все идет своим чередом. Так естественней и, стало быть, правдоподобней.

Наряд втянулся в расщелок, Гончаров и красноармеец Пахно спрыгнули с коней, поводья которых предусмотрительно перехватил оставшийся в седле пограничник. Гончаров с напарником прильнули к крутому склону, как поступали здесь не единожды. Место это не просматривалось с сопредельной стороны, а если прижаться к стенке тихо, а затем проползти последние метры до тропы тоже тихо, никто не определит, что не все пограничники уехали от мазара: все три коня цокают копытами, а есть ли в седлах всадники, определить пока невозможно, ибо не видны они, а к моменту выхода наряда на дозорку темень укроет Копетдаг. Разгляди тогда попробуй, на всех ли конях седоки.

Гончарову же, наоборот, стоит поторапливаться, обгоняя вечерние сумерки, а тем более – ночь. Скомандовал младшему наряда:

– Оставайся здесь до темноты. Только потом – в карман. Я один поползу. Меньше риска быть замеченным. – Передвинул подсумки на ремне за спину, затем снял фуражку и подал Пахно. – Не дай бог зацеплю.

---

² Сбатовать коней – связать все поводья в один узел, чтобы лошади стояли смирно.

Ящерицей скользнул Гончаров в отвилок. Без единого звука. Передохнул чуток, передвигая подсумки на их законное место, откуда ловко брать обоймы, и вновь осторожно, чтобы не осыпать самого малого камешка, поспешил к хребту. И то, что увидел он, ошеломило его: уютная низинка, в которой густо росла молодая арча, битком набита басмачами. Кони не расседланы, басмачи держат их в поводу, явно ожидая какого-то сигнала, который должен поступить с минуты на минуту.

Еле удержался Гончаров, чтобы не присвистнуть от столь неожиданного открытия. Попятился тихо вниз, обдумывая свои дальнейшие действия. Выхода только два. Первый, принять бой, если басмачи перевалят через хребет. Только долог ли он будет, тот бой? Тридцать патронов на винтовку. Пулемет бы сюда, можно было бы подольше продержаться. Но все равно не очень разумно поступать так, ибо бой на заставе не услышат, а дозор сюда запланирован только в два часа. Бесцельная гибель получится. Даже вредная: басмачи спокойно продолжают задуманное. Не гоже.

Второй выход – сообщить на заставу. Как? Не ракетой же? Ноги в руки и – вперед.

Пахно тоже посчитал, что бежать на заставу разумней.

– Не устоять вдвоих. Никак не устоять.

Побежали, придерживая клинки, чтобы не задевать ими за шпоры. А когда вылетели из расщелка, Гончаров, остановившись, приказал младшему:

– Сигнал: спешите на помощь.

– Пульнуть ракету недолго, – доставая ракетницу, усомнился Пахно. – Только зря все это. Без передыху бежать треба. Без передыху.

– Видно, прав ты... Отставить ракету! За мной.

Не зря, ох как не зря кавалеристы говорят: лучше плохо ехать, чем хорошо идти. А про то, что им когда-либо придется бежать не одну версту, они вовсе не предполагают. Не готовы к такому они. Бежать, однако же, нужда заставляет. Быстро бежать, к тому же «без передыху», как определил Пахно. Кочки, что под ногами путаются, не в счет, гимнастерка до нитки мокрая, будто в ливне побывала, – тоже не в счет. Смахивают со лба пот, чтобы глаза не ело, только и всего.

На полпути иссяк пот, а когда подбежали к заставе, даже гимнастерки высохли.

Калитку открыл не часовой, а дежурный. Увидев их, запаленно дышавших, удивился. Растерялся даже.

– Вы?!

Миг длилась растерянность. Паничкин взял себя в руки (а что ему оставалось делать?) и голос его окреп:

– Вам служба до трех ноль-ноль! Почему приказ нарушен?!

– Басмачи там, Северин! Сотни три сабель! Где лейтенант Садыков?

– А-а-а, ясно, – нарочито разочарованно протянул Паничкин. – А я-то думал... Знает начальник заставы все. Доложено ему. С комендатурой он связался. – И после паузы, нужной для Паничкина, чтобы определиться, как поступить дальше с нарядом, примирительно дозволил: – Ну что с тобой делать, не возвращать же обратно. В летней кузне помидоры еще остались. Это я их привез, угостить заставу. Оружие почистите после этого и – спать. К рассвету Садыков, он сказал, поднимет заставу в ружье.

Аппетитно атели в керосиновом свете помидоры. Их на столе было еще довольно много. Первые, можно сказать, в нынешнем году помидоры. Как не полакомиться? И Пахно, отложив карабин, выбрал себе самую спелую помидорину.

– А ты что? – подтолкнул Северин Гончарова. – Мать прислала. Отборные.

– Ладно. Перекурю, оружие почишу, потом уж.

Что-то неладное творилось в душе у Константина. Заныла она отчего-то сразу, как открыл им калитку Паничкин, а не часовой. Да тут еще в голове мысли какие-то непослушные.

Тебе они не любы, а упрямо цепляются друг за друга. Вопросы, вопросы, вопросы... На них отвечать нужно. Но где они, ответы вразумительные?

Не верить Северину Паничкину, дежурному по заставе, Гончаров просто не мог. Не только потому, что дежурному введома вся обстановка и он является как бы дирижером, особенно, когда начальник заставы на службе, либо отдыхает, но еще и по своему складу характера, своему пониманию людских отношений, по честности натуры своей... Вопросы, упрямо влияющие на ход мыслей никак, однако, не отступали и требовали не абстрактных, а конкретных ответов.

Откуда лейтенант Садыков знает о басмаческой банде? Коноводы могли доложить только о наблюдателе. Других нарядов в том районе не было и нет. Он, Гончаров, не смог доложить об увиденном, не добежав до заставы. Где часовой, кому положено встречать наряды, открывая им калитку? И самое главное: если начальник заставы получил тревожные данные из каких-либо не известных ему, Гончарову, источников, почему тогда не поднял заставу по тревоге и не послал укрупненный наряд к мазару? Но, скорее всего, он сам бы повел большую часть заставы туда. И это – самое разумное: изготовиться там заставе к бою. Обходные пути тоже нельзя оставлять не прикрытыми. А комендатура? Если лейтенант доложил, она тоже должна бы подняться по тревоге.

Удивительно и то, что на заставе слишком тихо. Словно вымерла она...

У Паничкина другой ход мыслей. И темп тех мыслей иной: лихорадочный, трусливый. Неурочное возвращение наряда напугало его до ужаса, но потом он ободрился надеждой, что не смогут не соблазниться Гончаров и Пахно помидорами: устали они и пить хотят, а воды в бачке нет, он, Паничкин, ее всю вылил. Кто пить захочет, вон – помидоры. Они сочные, хорошо жажду утоляют. Коновод вон с какой жадностью набросился, любо-дорого. И Пахно тоже. Гончаров же все карты перепутал, и страх вновь подполз к сердцу Паничкина: что, если Гончаров сразу войдет в казарму?! Оружие оттуда все вынесено в зимнюю столовую и даже в «максим» вставлена лента, чтобы угощать тех, кто не погибнет от взрыва. Ящик с гранатами красуется рядом с пирамидой, пол в казарме мокрый (весь бачок воды, со снотворным перемешанной, вылит), одно осталось – ввинтить в гранаты запалы, но вот не ко времени появился Гончаров. Здрости, дьявол тебя забори. Теперь что делать? Два часа осталось до установленного курбаши времени. Через два часа должен прозвучать взрыв.

«Может, съест все же помидорину?»

Гончаров подошел к бачку, подставил кружку под кран – ни капли.

– Что это ты, Северин? А наряды возвращаться станут? Не накипятил повар, что ли? Подними. Или сам.

– Да вот, помидоры. Лучше воды намного.

– Воде положено быть. Понятно?

– Хорошо. Сейчас повара подниму, пусть ставит кипятить. А пока суд да дело, ты помидорину вот эту. Сочная.

– Я в бане напьюсь. Потом видно будет.

Возликовал Паничкин. Пахно через минуту-другую уже не боец, а пока Гончаров к бане сходит, все можно подготовить к взрыву. Как войдет в казарму, тогда сразу в окно, а оттуда – гранату в ящик. Ящик прежде передвинуть, чтобы ловчее попасть. Поближе к окну поставить.

И разошлись Гончаров и Паничкин каждый по своим делам. Один совершенно не спеша, ворочая в голове трудные мысли, другой торопливо, оправдывая свою поспешность тем, что лучше раньше, чем никогда.

«Поймет курбаши. Должен понять...»

Он бы успел сделать все намеченное пока Гончаров, этот упрямо не желающий отвесть хотя бы одну помидорину отделенный, будет утолять жажду в бане. После взрыва пусть выскакивает из бани, пулеметная лента вставлена. Не успеет он до своего карабина добежать...

Паничкин, радуясь вот так вдруг полученному времени, перетянул ящик на удобное для себя место, взял коробочку с запалами и уже нагнулся было к ящику, намереваясь поскорее ввинтить хотя бы пяток запалов, но вздрогнул от резкого телефонного звонка. Остановился, не зная, как вести себя дальше. Не возьмешь трубку, сразу же встревожатся на том конце провода (а звонок из комендатуры) пошлют выяснять, в чем дело, узнают тогда о свершившемся и смогут успеть перекрыть басмачам дорогу на Ашхабад. За такое курбаши не поблагодарит ни его, ни отца с матерью. Но и медлить со взрывом нельзя: Гончаров может войти в казарму в любой момент.

– Какого черта?! – выругался Паничкин, с ненавистью глядя на телефон. – У-у! Стерва!

А телефону что за дело, сердит кто на него, либо нет, звонит себе и звонит. Вот Паничкин и не выдержал, взял все же трубку и, нажав клапан, доложил привычно:

– Дежурный по заставе Паничкин...

– Где пропадаете?! – сердито спросил комендант, а звонил именно он.

– Наряд провожал, – нашелся Паничкин.

– Все у вас в порядке? Подозрительных скоплений у границы не замечено?

– Никак нет.

– Позовите начальника заставы.

– Он на проверке службы, – вновь, без всякой паузы, соврал Паничкин. – Только что выехал.

– Как вернется, пусть немедленно позвонит. Получены данные о возможном прорыве на вашем участке крупной бандгруппы. А еще лучше, дайте сигнал, чтобы вернулся на заставу. Немедленно пусть звонит. Понятно?

– Так точно!

– Доложите, где наряды.

Паничкин принялся пересказывать весь план ночной охраны границы, который у него под стеклом, называя наряды, какие должны были бы уже высланы, какие скоро уйдут на службу, докладывал быстро, но комендант то и дело переспрашивал, нанося, видимо, данные на схему участка. Когда все уточнил, что ему нужно было уточнить, вновь приказал:

– Дайте сигнал Садыкову, пусть немедленно мне звонит.

– Ясно. Разрешить отправлять службу?

А как только получил на то разрешение, рванул провод со всей силы, рванул еще и еще, чтобы как можно больше вывести из строя провода, который не вдруг бы можно было восстановить. Делал он это, не отдавая себе отчета, чего ради рушит связь, зря теряя время. Что останется от аппарата и от проводки после взрыва в казарме целого ящика гранат?

Утихомирился наконец. Подавил нервный выплеск. И – к ящику. Присел, чтобы ловчее ввинчивать запалы. Один ввинтил, второй, ну и – хватит бы, сдетонируют остальные, так нет, за третьей гранатой рука потянулась, за четвертой. И тут – шаги. Входит в казарму Гончаров. Неуверенно как-то. Юркнул Паничкин в промежуток между кроватями, согнувшись в три погибели, а граната с запалом в руке.

«Принесло гада!»

Верно, в самый раз «принесло» Гончарова в казарму. Вода, утолив жажду, не утолила беспокойности. Определил, когда вышел из бани:

«Выясню еще раз у Северина. Пусть выложит как на духу».

Взял карабин, клинок, подсумки и пошагал в казарму. Перешагнул порог и остановился, удивленный: лампа еле-еле светит, пол водой залит, но не свеж и прохладен воздух от воды, а будто пропитан какой-то дурнотой. Похрапывает казарма. Постановывает даже. Пригляделся, все кровати заняты.

«Никого в нарядах нет, что ли?!»

А Паничкин где? Не видно его. Жутко как-то стало, словно в парилке новичку. Пошагал, однако же, к пирамиде, поставил машинально на свое место карабин и шашку, и только тогда заметил, что пирамида совершенно пустая. И «максима», который обычно стоял возле пирамиды на специальной подставке, тоже нет. Гончаров – ко второй пирамиде. Она тоже без оружия.

«Что за чертовщина?!»

Пошагал в полумрак по проходу между кроватями, начиная понимать, что происходит что-то из ряда вон выходящее, и тут фазаном из-под ног выпрыгнул на проход Паничкин с поднятой в руке гранатой. Прохрипел не громко, но властно:

– Ложись!

– Застава! В ружье! – заорал в ответ Гончаров во все горло. – Застава! В ружье!

Никто даже не шевельнулся. А Паничкин, попятившись немного, рванул чеку и, бросив гранату, припустился по проходу в конец казармы, дабы укрыться за столбом, что подпирал потолок у последней кровати.

– Вставай! В ружье! – отчаянно орал Гончаров, понимая вполне, что жизни его осталось несколько секунд. – В ружье!

Он старался разбудить своих боевых товарищей прежде, чем рванет граната, вовсе не думая, что как бы громко он ни кричал, взрыв прозвучит громче и наверняка разбудит спящих, если они (он уже понял, что вся застава усыплена) в состоянии проснуться.

– В ружье!

Граната не взорвалась. Запал, щелкнул и вылетел, звякнув. Звонко он разлетелся, сея мелкие осколки. Ни один не задел Гончарова, и тот, осознав, что смерть миновала, что случилось чудо (запал был завинчен лишь на один виток), кинулся к Паничкину, забыв, что у того револьвер и шашка.

– Стой! Не шевелись!

Как раз... Ищи дурака! Козлом испуганным кинулся Паничкин в обход кроватей, Гончаров было за ним, в этом была его ошибка, но сразу одумался и кинулся к пирамиде, чтобы схватить карабин. Не успел однако. Пяток шагов осталось ему, а карабин уже в руках у Паничкина. Оскалился штыком.

Остановился Гончаров, попятился, отступая от наседавшего Паничкина, а штык – вот он, в метре. Ловкий выпад и – конец всему. Глаза Паничкина ненавистью горят. Прожигают, пронизывают смертельной злобой.

«Что же я тебя, поганец, не раскусил прежде?! Буйный раскусил, не хотел подлеца возить, а я – нет!»

Только теперь вспомнилось мудрое наставление кузнеца. Теперь, когда поздно, а не тогда, в нужное время. Мелькали эпизод за эпизодом, и все теперь воспринималось совершенно в ином свете. Даже тот ненавистный взгляд, мимолетно вспыхнувший, когда уложил он, Гончаров, на лопатки Паничкина, упреком возник. Вот тогда бы вывод верный сделать! Сейчас что, поздно уже... Только судорожным мысля все едино, поздно или рано. Они услужливы. Будто наяву все воспроизводят.

Лицо Паничкина видится растерянным, когда докладывал он, Гончаров, о сигнале на арче. Какая подозрительная растерянность! Только раззява мог ее не понять. А встреча у калитки? Всего несколько минут назад. Не просто удивление тому, что нарушен приказ, а – испуг. Разве это не было видно? Все поведение его, та настырность, с какой уговаривал съесть помидорину, вовсе невосприятие доклада о банде у границы – разве слепой он, командир отделенный, чтобы не увидеть всего этого, не кинуться будить Садыкова?!

«А Пахно спит. Как отравленный. Не пособит. Не выручит».

Все эти мысли не отвлекали, однако, Гончарова от главного в его положении – он отступал, не спуская взгляда со штыка, готовый отбить выпад и, если удастся, выхватить из рук

Паничкина карабин. Там, на учебном, это удалось бы ему в два счета, но он сам тренировал Паничкина, сам готовил из него бойца, и теперь на него движется враг сильный и умелый. Не сильней, правда, Гончарова. Много еще каши солдатской нужно съест Паничкину, чтобы сравняться силами с учителем своим... На это и уповал Гончаров, отступая медленно и все больше понимая, что не полезет дуром Паничкин, робок он в действии, будет выжидать его, Гончарова, ошибку.

Прошагали мимо ящика с гранатами. Допятился Гончаров до крайней кровати и рванулся к двери в командирский коридор. Она совсем рядом. Всего десять шагов до нее, а за ней – спасение. Пусть лейтенант даже отравлен, но в квартире есть оружие. Там телефон есть. Там много чего можно предпринять. Там не станет торчать на тебя направленный штык.

Со всего маху ударил в дверь плечом, но... Заперта она. И ключа нет в замке.

«Все предусмотрел, гад!»

Успел отпрыгнуть в сторону в тот самый момент, когда Паничкин настиг его и уже готовился нанести удар.

Вновь лицом к лицу. Гончаров пятится, Паничкин наступает. Все это в жутком полумраке, под тяжелые стоны заставы.

Выпад. Отбил его рукой Гончаров, и стал еще внимательней. Теперь он отступал к пирамиде, где стояла его шашка. Он выбирал момент, чтобы неожиданно для нападающего Паничкина кинуться, оторвавшись хотя бы на шаг-другой, к пирамиде и успеть выдернуть из ножен клинок, и уже им отбивать выпады, готовя свою атаку. Только и Паничкин раскусил намерение отделенного, сторожил этот момент. Свою он в этом усматривал выгоду. Опередит, считал, он с ударом.

Так и случилось. Помогло Паничкину и то, что Гончаров поскользнулся. В самый неподходящий момент. Отпрыгнул в сторону он удачно. Два добрых прыжка ему сделать, и вот она – шашка. Только одного не учел Гончаров: мокрого пола. Желание схватить оружие побыстрее сослужило недобрую службу – не удержал равновесия. Вот и случилась заминка. Совсем малая, секундная, а штык – вот он. Под лопатку угодил. Моментажно сработала ответная реакция, успел Гончаров лягнуть Паничкина в пах. Тот, согнувшись от боли, невольно потянул карабин на себя, выдергивая штык из тела Гончарова – вот тут-то боль буквально его пронзила, на какое-то время он потерял сознание.

Очухались они вместе. Паничкин зло матюкнулся, сделал резкий выпад, чтобы довершить убийство, но Гончаров здоровой рукой отбил выпад и вновь попятился, отступая к кроватям по собственной крови, понимая вполне, что долго теперь он не продержится, ослабнет. Голова у него уже кружилась, тошнота подступала к горлу. Спасательным кругом мелькнула учебная граната, лежавшая на аптечке. Еще раз метнулся на аптечку взор. Не высоко прибитая, вполне можно быстро схватить гранату. И под левую руку как раз, под здоровую. Стал отступать туда, полнясь надеждой.

«В лоб гада! В лоб!»

Он не сомневался, что попадет. Он попадал в щель танка-макета с двадцати метров. А тут – три шага.

Кровать старшины Губанова. Окровавленной рукой проводит Гончаров по лицу старшины. Дышит. Жив, значит... Пересиливая боль, ухватил пальцами за волосы и дернул. Тут же, развернувшись, перевернул здоровой рукой, кровать, крикнув, что было силы:

– Застава! В ружье!

Этот отчаянный поступок спас и его, и заставу. Губанов с перепугу тоже заорал: «Застава! В ружье!» – и бросился к пирамиде, да так стремительно, что Паничкин невольно отшатнулся и потерял власть над собой. Он, выпустив карабин, выпрыгнул в окно, из которого прежде намеревался бросить гранату в ящик, и побежал что было духу по тропе к мазару.

Гончаров рухнул на мокрый пол, ибо у него не осталось больше никаких сил, он сделал все, что в состоянии сделать человек, борясь за жизнь, свою и боевых товарищей, и тоже потерял власть над собой.

Губанов, у которого сон как рукой сняло от необычной и вовсе пока не понятной ситуации, поднял Гончарова и бережно положил на свою кровать, непрерывно спрашивая:

– Что?! Что произошло?! Что?!

Гончаров слышал торопливые вопросы старшины, понимал необходимость сказать хотя бы самое важное, хоть два-три слова, но боль в груди пересиливала желание. И все же Гончаров в конце концов смог выдать:

– У мазара басмачи... Паничкин предатель...

– Лежи! Терпи! – бросил Губанов и кинулся к двери в квартиру Садыкова, а когда понял, что она заперта, принялся колотить в нее изо всех сил, одновременно крича:

– Застава! В ружье!

Зашевелились пограничники. Приподнялась одна голова, вторая, третья. Вяло. Трудно. Но и этого было вполне достаточно, чтобы крик старшины окончательно сбросил предательский сон. Вот уже торопливо одеваются несколько бойцов, и тут старшина приказывает:

– Будите остальных! Расталкивать! Трясти всех!

Сам же побежал из казармы за ломом. На конюшню. Только ломом можно выломать дверь, иного выхода нет. И так получилось, что спас он попутно красноармейца Пахно. Тот заснул прямо в летней столовой прямо за столом, уткнувшись головой в подставленные руки. То ли руки отекали, то ли еще что-то вынудило бойца откинуть одну из рук, а на пути – лампа. Опрокинулась, естественно, и занялся пожар. Опоздай немного помощь, сторел бы Пахно вместе с кухней летней. Старшина, влетев в кухню, растолкал Пахно и, приказав ему тушить начавшийся пожар, побежал в конюшню.

Когда старшина возвращался из конюшни, пожар уже тушили несколько бойцов, засыпая огонь песком.

– Молодцы, – похвалил старшина, не сбавляя бега. Главнее всего сейчас было разбудить лейтенанта Садыкова.

Застава поднялась уже почти вся. Частью сгрудилась у пустых пирамид, частью возле кровати, где лежал в беспамятстве Гончаров. Полная растерянность.

– Старшина, – сказал кто-то, и все повернулись к Губанову, ожидая от него столь нужной сейчас команды.

Она, однако, не последовала. Старшина сам не знал, что предпринять: ему было не до анализа кратких данных, какие сообщил Гончаров, ему необходимо было разбудить Садыкова.

Садыков поднялся тоже с большим трудом, хотя съел всего только один помидор. Но когда узнал, что случилось, пробудился моментально, пересилив сонливую вялость. Команды его зазвучали стремительно и разумно:

– Оружие, что в каптерке, раздать лучшим стрелкам первого и второго отделений. К мазару выезжаю лично с получившими оружие. Посыльных на соседние заставы, – он назвал фамилии, – аллур три креста. С остальными, старшина, организуй оборону заставы. Оружие найти. Далеко подлец не унес. А пока – только гранаты. Прачка пусть займется Гончаровым. И санинструктор с ней. Доложу коменданту и – в седло.

Все всем ясно. Опустела казарма. А еще через несколько минут скакал начальник заставы с группой пограничников к мазару, надеясь догнать Паничкина или хотя бы успеть перекрыть выход из расщелка в долину. Лучше, конечно, вход в расщелок с мазарной долины оседлать. Но – как получится. Не до жиру в такой обстановке.

Паничкина не догнали. Он успел пересечь долину и побежал за границу по прямой, зная, что никаких нарядов на пути нет. Он таким образом сократил свой путь километра на три.

Это понял лейтенант Садыков, и стал еще жестче прищипывать коня и без того несущегося наметом. Он спешил. Время решало все. Минуты решали. В долине басмачи сметут кучку вооруженных только карабинами пограничников как налипшую на чапан букашку.

Успели. Спешились и залегли. Дослали в патронники патроны, а рядом, чтобы под рукой, уложили гранаты, завинтив в них запалы. Даже усики разжаты. Замерли, готовые встретить басмаческую лаву, понимая вместе с тем, что долго они продержаться не смогут. Но отступить некуда. Тем более, что коноводы уже увели коней «в укрытие» – в сторонку, за изгиб сопки.

Тихо-тихо. Садыков приказывает:

– Второе отделение остается здесь, первое – вперед!

Весьма верное решение. Расщелок узкий, особенно перед мазарной долиной, отделению с лихвой хватит перекрыть его, а когда басмачи прорвутся через первый заслон, в чем никто не сомневался, на пути их окажется второй. Еще какое-то время будет выиграно. Глядишь, и подмога подоспеет. Нет, не сюда, сюда никак не получится, а на заставу.

До заставы из комендатуры взвод боевого обеспечения на тачанках быстро доскачет. Отрядная маневренная группа тоже спать не станет. Нет, не получится у басмачей неожиданной, все сметающей на пути вылазки на Ашхабад. Не польется людская невинная кровь от неудержимой лютой злобы фанатиков. Ради этого можно принять и смерть в бою. Заступить собой дорогу басмачам.

Только отчего-то не появляются они. Садыков вывел уже отделение к самой поляне, уже залегли бойцы, каждый выбрав себе место половчее – за бугорком, в ямочке (окапываться некогда, да и нельзя, демаскируешься), а перевал, за которым сопредельная сторона, бездвижен. Не ушли, поняв, что потеряна неожиданность?

Нет, не ушли. Не знают пока, что агент их провалил задание. Дремлют, на корточках сидя и не выпуская поводьев из рук. Ждут. Для них сигнал к действию – взрыв. Но он должен донестись с заставы ближе к рассвету. Много еще времени есть, не подошло оно еще. И Паничкин еще не добежал до них. Хотя он рассчитывал сократить расстояние, но не учел, что за границей хоть и безопасней, но нет там ровности, нет долины, там нужно переваливать хребты. Вверх и вниз нужно бежать, вверх и вниз. А сил не очень много – успел и сам он надыхаться снотворным, которое развел в воде и разлил по полу казармы. Теперь сказывается это. Но он бежал. Бежал, пересиливая слабость. Он очень торопился. Он почему-то был вполне уверен, что заставка продолжает спать. Гончаров откоптил белый свет. Кровью изойдет. Пахно сгорит (он видел, что летняя кухня начала заниматься огнем). Старшина заснет, не пересилив себя. Связи нет. Все он, Паничкин, сделал как надо. Осечка, правда, случилась, но... Курбаши поймет и останется довольным.

Паничкин очень гордился собой, и ни разу не екнуло у него сердце-вещун, не заныло от предчувствия страшного конца.

Первый вопрос курбаши отрезвил:

– Револьвер, вот этот, на ремне, заряжен?!

И правда, отчего топтаться было со штыком наперевес, если все можно было решить одним выстрелом. Боялся всполошить заставу? Но Гончаров орал благим матом, а никто даже не пошевелился.

– Гранаты, говоришь, подготовлены были для взрыва?

– Да-да. Запалы ввинчены.

– Почему же не взорвал? Святого дела ради?

Нет, ему подобное и в голову не могло прийти. Нет, он не готов к подобной жертве. Взорвать себя?! У него даже сейчас от одной только мысли об этом испарина на лбу выступила, а сердце засбоило, съезжилось. Не по Сеньке шапка. Не рожден он для подвига. Спасать же себя, как он начал понимать, надо. Заскороговорил:

– Спит застава. Вся спит. Тот, отделенный, который не ел помидор, заколот. Штыком я его. Штыком.

– Если спит, чего же бежал?

– Сообщить, что видели вас. Что без взрыва можно. Тихо можно. Даже лучше, если тихо. Как баранов порезать.

– Где-то, говорят, золото есть, а пойдешь, и – меди не найдешь...

Долго после этого молчал курбаши, похлопывая камчой по голенищу мягкого сафьянового сапога. Очень долго. В конце концов решился:

– Зайцу клич: «Беги», – птице ловчей: «Лови!». Воздадим хвалу Аллаху, да благословит он гнев наш священный.

Предчувствовал, видимо, курбаши недоброе, но отказаться от задуманного не мог. Нужен ему был этот поход. Очень нужен. Возвернись трусливо, осерчает английский друг и тогда... Тогда жизнь в нищете, а то и – смерть.

Спешить, однако же, не спешил. Видел к тому же, как понуры и не воинственны безмозглые и безголосые его нукеры. Взбодрить их следует. Вдохновить. Вот и призвал к ночному намазу. Позволил он себе эту вольность, совершенно не думая, что хоть кто-то может ослушаться. Зеленая чалма у него на голове. Никому из нукеров и в голову не придет, что самовольно надел он ее, не побывав ни Мекке, ни в Медине. Грех великий свершить такое для мусульманина, но простит его Аллах, ибо ради великой цели обман, чтобы послушной волю его, курбаши, выполняла почитающая Аллаха толпа, которую ко всему прочему он, курбаши, одевал, обувал, которой еще и щедро платил. Сейчас они станут молиться, и Аллах удесятерит их силы, их злобу на неверных и на продавшихся неверным соплеменников.

И в самом деле, торопливо принялись басмачи доставать из хорджунов молельные коврики, и вскоре долина затихла в молитвенном экстазе.

А в это самое время пластала от заставы по долине тачанка, на которой стоял пулемет. В любой момент тачанка могла развернуться и открыть огонь, если повстречается на ее пути банда. А пока пулеметчик одной рукой правил тройкой, другой – придерживал ручки и ящик с патронами. За тачанкой скакали всадники, готовые мигом осадить коней, бросить их на землю и, укрывшись за ними, поддержать огнем из карабинов пулемет. Скакавшие на помощь Садыкову ясно понимали, что их товарищам у мазара долго не продержаться, что банда прорвется наверняка и встречать ее придется здесь, на очень неудобном месте. Итог такой встречи им тоже был совершенно ясен.

Стрельбы у мазара, однако, все еще не было слышно, и именно это подстегивало пограничников. Им все более верилось, что они успеют не к шапочному разбору, хотя понимали, что времени упущено очень много. Каждый всячески костерил себя за недогадливость, но особенно казнился старшина, хотя, казалось бы, он все делал правильно, рисковал даже собой.

Заняла оставшаяся часть заставы оборону: замысел басмачей ясен, уничтожив заставу, вниз, в Ашхабад. А какая оборона, если только гранаты в руках? Зажег Губанов «летучую мышь» и – за калитку. Идет вокруг дувала, ищет карабины и шашки (он справедливо считал, что оружие выброшено за дувал), вполне осознавая, что отличная он мишень, да и для захвата – лакомый кусочек. Оттого и не послал никого за калитку, сам пошел.

Ничего не обнаружил. Повернул тогда к полосе препятствий. Гранату в руке зажал с отогнутыми усиками чеки. Живого не возьмут, если что...

Окопчики осмотрел – пусто. Клял он всех и все на свете, а Паничкину, тому доставалось так, что будь он в гробу, не единожды бы перевернулся. А время летело стремительно, и как дальше все повернется, неведомо.

Правда, оттуда, куда ускакал Садыков, стрельбы не слышно. Не перешла, значит, еще банда границу. А что, если не долиной она двигается и вот-вот навалится на заставу со всех сторон?!

«Оружие нужно! Пулеметы! Только с ними можно устоять. Но где все это?! Во дворе, скорее всего».

К калитке он уже бежал, подсвечивая себе дорогу фонарем и соображая, с какого места начать поиск.

«И красноармейцев пяток подключу».

Вбежал, закрыл калитку на засов, и услышал громкий и радостный крик прачки:

– Сюда! Здесь пулемет!

Она повела поиск разумней старшины. Когда перебинтовала Гончарова (не первый раз ей приходилось бинтовать, давно она на заставе) и начала протирать лицо мокрым полотенцем, раненый пришел в себя. Попросил пить. Дождалась, когда напьется отделенный, спросила участливо:

– Как это оплошал ты? Новенький, что ли, пырнул? Дородный такой, но сыротелый. Тебе ли с ним не совладать было?

– Оружие он куда-то спрятал. В бане нет.

– Далеко не мог. Много таскать. Ты, касатик, лежи один, потерпи.

И трусцой, мимо продолжавшей дымно пахнуть летней кухни, напрямиком – в зимнюю. Оторопела даже, отворив дверь, отпрянула: прямо на нее нацелился «максим». Заряженный. Нажимай на гашетку и коси... Только некому нажимать. Пусто, похоже, на кухне. С опаской, все же вошла. И споткнулась, обходя пулемет, о кучу карабинов и шашек. Выскочила радостная, закричала что есть мочи:

– Сюда!

Не на минуты теперь счет времени пошел, на секунды. С лихорадочной быстротой все делали пограничники: один станковый пулемет и ручные пулеметы – в блиндажи. Пусть теперь попробуют басмачи сунуться! Второй пулемет и пару ручных и ящик патронов – на тачанку, которую так любил Садыков, самолично холивший тройку буланых коней. Теперь на ней вот – на выручку начальнику заставы и тем, кто с ним на явную смерть ускакали. Вперед что есть духу.

Верховые не отстают от лихой тройки. Пластают. И слушают, не начался ли бой у мазара? Вот уже и расщелок. Рукой подать. Тихо в нем. Успели! Ура!

Дальше спешить нельзя никак. И громыхать тоже. Пулемет, значит, не покатишь. Разобрать тоже не получится. Для сборки время понадобится, а его может не оказаться. Один выход: на плечи самому крепкому. Стало быть – старшине.

Времени хватило в достатке. Даже осталось. Будто специально басмачи тянули, давая возможность прибывшему резерву половчее установить пулемет и бесшумно, но споро передать каждому пачки обойм с патронами. А благодатной той задержки виновница – молитва басмачей. Старательная. Истовая. Курбаши, между прочим, уже пожалел, что призвал нукеров к неурочному намазу. Сам он давно уже поднялся с коврика, телохранитель убрал его в хурджун, но все остальные продолжали бить поклоны Всевышнему. Гневался курбаши, нетерпеливо хлестал камчой по голенищу, прервать, однако, молитву правоверных не решался. Слишком великий грех. К тому же он понимал это, нукеры могут не послушаться: когда мусульманин восхваляет Аллаха, он ничего не должен видеть и слышать, один только Всемогущий, Всемиловитивейший перед его взором.

Но тяни время не тяни, конец молитве все же должен наступить. И он наступил.

– Смерть неверным! – гневно крикнул курбаши, и басмачи подхватили дружно:

– Смерть! Смерть!

Для пограничников – хороший сигнал. Сейчас всадники появятся на вершине перевала.

Сереет уже небо. Хорошо будет видно их. Очень даже хорошо. Заманчиво встретить их длинной очередью из «максима» и залпом из карабинов. Весьма заманчиво. Толк только от такой встречи нулевой. Скатится банда за хребет и больше не ползет. Уйдет. И станет гото-

виться к новому неожиданному наскоку. И вдруг ей на следующий раз повезет больше? Нет, нельзя просто отпугнуть басмачей. Разгромить их нужно. Пусть даже ценой своих жизней. Несется уже мангруппа на тачанках и верхом, бурей налетит и сомнет банду. Где ей перед силой такой устоять?! А сейчас нужно выиграть время. Пусть в мазарную долинку спустятся, вот тогда и ударить. Не вдруг басмачи прорвутся через заслон. «Максим», он – не шуточки. На него дуrom не погрешь. А еще ручные пулеметы. А еще меткие залпы из карабинов...

Будто клыками выскалился перевал. Частыми и густыми. Меняются и меняются клыки, растворяясь в темноте склона. Он лишь один заметно потемнел, если с напряжением приглядеться. Сцепил зубы Садыков, чтобы сдержаться и не скомандовать: «Пли!» Разве остановишь саранчу эту такой малой силой, какая в наличии у него, начальника заставы? Исключено. Верно отец учил: одной рукой даже не пытайся схватить два арбуза, не удастся. Что же, схватить два арбуза не удастся, это уж точно, погибнут они здесь все, но мангруппа саранчу эту задавит, если ее задержать на малое время. Сомнения в этом нет никакого...

Первые ряды уже спустились в долинку, а через хребет переваливают и переваливают всадники.

«Хорошо, если сосредоточатся, потом только двинутся».

Курбаши словно внял желанию Садыкова: ждет, пока все его нукеры пересекут границу и осияют добрую половину спуска. И вот – чист перевал. Еще немного подождет курбаши и тронул коня. Без крика. Камчой только махнул, за мной, дескать.

– Застава! Пли!.. Пли!.. Пли!..

Все смешалось обалдело: крики, стоны, ржание, залпы и непрерывный говорок «максима». Но вот над всем этим взвился гортанный призыв курбаши:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.